

ного назначения и описаны трудности их реализации. Важным представляется раздел 9.1, описывающий перспективы автоматического распознавания речи и речевых сигналов. Однако, по нашему мнению, здесь уделено недостаточно внимания актуальной проблеме распознавания функционального состояния человека по характеристикам его речи. Эта актуальная в наше время проблема имеет большое значение в космонавтике, авиации, энергетике и других важных областях человеческой деятельности, где необходим постоянный контроль над состоянием человека. Упомянутая в рецензируемой работе задача определения эмоционального состояния оператора далеко не исчерпывает всех возможностей применения анализа состояния человека в различных, нередко экстремальных, ситуациях.

Заканчивая рецензию, следует еще раз

подчеркнуть оригинальность и новизну жанра книги. Она безусловно найдет читателей среди преподавателей вузов и широкого круга лингвистов, интересующихся звучащей речью и вопросами применения ЭВМ в лингвистических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Malmberg B.* Manual of phonetics. Amsterdam; London, 1970.
2. *Essen O. von.* Allgemeine und angewandte Phonetik. 5-te Aufl. B., 1979.
3. *Lindner G.* Grundlagen und Anwendung der Phonetik. B., 1981.
4. *Petersson M.* Phonetik, Sprache, Sprachwissenschaft // ZPhon. 1978. Bd 31.

Кальниш В. В., Проколова Л. И.

Скрибник *И. Е.* К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке: структурно-семантическое описание. Новосибирск: Наука, 1988. 198 с.

Рецензируемая монография представляет собой самое полное на настоящий момент описание системы предложений с инфинитивными формами глагола в бурятском языке. Для сравнения отметим, что раздел о причастных и деепричастных оборотах в «Грамматике бурятского языка» занимает только 60 с. (см. [1]). Учитывая практически все предшествующие синтаксические работы по бурятскому языку, автор не только существенно уточняет, дополняет и систематизирует описание выявленных ранее конструкций, но и вносит в этот список целый ряд новых, обнаруженных в текстах и при работе с информантами. Таковы, например, полипредикативные построения, включающие серию причастно-падежных конструкций с семантикой эмотивности, сравнения, эмоционально окрашенного прогноза, адаптации, потенциальной оценки, метафорической локализации и т. д.

Автор пользуется понятием термино-логическим аппаратом сибирской синтаксической школы (см. [2—4]) и называет конструкции с зависимой частью, возглавляемой причастными и деепричастными формами, нейтральным термином «полипредикативные». Это позволяет избежать старого спора о том, представляют ли они собой сложные предложения или простые осложненные. В теоретическом введении достаточно убедительно по-

казано, что полипредикативность в таком рода образованиях есть. Модальность, время и лицо как основные составляющие предикативности имеют в зависимой части не абсолютные координаты, а относительные: они отсчитываются не от момента речи, а от соответствующих значений главной части. Второй термин, использованный в работе, — «синтетические предложения» — опирается на структурную классификацию сложного предложения, разработанную в этой же школе с опорой на тюркологическую традицию. Здесь имеется в виду, что показатель связи частей сложного предложения, т. е. конструктивный центр и носитель синтаксической семантики этого предложения, имеет не аналитический характер (отдельное служебное слово типа союза), а синтетический (морфема, входящая в состав зависимого сказуемого и делающая соответствующую глагольную форму инфинитивной).

Исследование проведено на обширном материале: сюда входят материалы сплошной выборки по бурятским художественным и публицистическим текстам, а также экспериментальные данные, полученные у информантов во время лингвистических экспедиций по разным районам Бурятской АССР. Дистрибутивно-статистический анализ около 10 000 примеров позволил получить достаточно интерес-

ные результаты. Например, строго дифференцированный анализ конструкций с изъяснительным значением дал возможность выделить среди них четыре продуктивные модели с семантикой оперирования информацией, непосредственного восприятия, каузации и намерения.

Постулируя, что на синтаксическом уровне языка имеется обобщимое и исчисляемое количество единиц (аналогичных, например, фонемам на фонетическом уровне), автор ставит себе задачу их инвентаризации в виде структурных схем. Такая единица — модель предложения — предстает в трактовке автора как схема построения любого количества фраз одной или нескольких синтаксической семантики. В структурной формуле учитываются морфологические и семантические характеристики компонентов, а также способы их синтаксической связи (координация, управление, примыкание). В работе предлагаются критерии выделения отдельной модели, определения границ ее варьирования. Механизмы вариации модели также описаны: они касаются прежде всего соотношения модально-временных и личных (субъектных) планов главной и зависимой частей. Например, субъектные планы могут совпадать (моносубъектность фразы) и не совпадать (разносубъектность фразы). Во втором случае в зависимой части субъект может быть неопределенным (обобщенным) либо конкретным. Этим трем возможностям соответствуют различия в оформлении зависимой части: субъектное (иначе безличное, возвратное) притяжание и эллипсис позиции подлежащего в первом случае, отсутствие каких бы то ни было формальных средств во втором и личное притяжание в сочетании с формой рода падежа зависимого подлежащего — в третьем (см. табл. 2 на с. 32).

Получив конечный список моделей с инфинитивным зависимым сказуемым — около 200 единиц — автор далее решает проблему их классификации. В данной работе модели зависимых предикативных единиц (ЗПЕ) объединяются в те или иные типы по признаку формальной, а не семантической близости. Таких крупных типов выделяется шесть: причастно-падежные (например, *-ха-da* «когда»), причастно-последложные (*-ха, -han, -dag tuхай* «о том, что»), причастные с «квази-союзными» (*xada* «поскольку», *haa* «если», *aad* «хотя»); с частными (*изеги* «будто, словно», *-шуу, -dal* — с тем же значением), причастные беспаджевые (определятельные) и деепричастные. Таким образом, в сферу исследования попадают не только Ч;Сю синтетические конструкции, но и конструкции с элементами анализа (инфинитивная форма в сопровождении подлежащего слова — последога и т. п.). Мо-

дели между типами распределены неравномерно: больше всего насчитывается причастно-последложных (около 100 единиц).

Структура монографии определяется данной классификацией: каждому крупному типу полипредикативных синтетических предложений посвящена отдельная глава (всего их шесть). В первой же, вводной, излагается теоретическая концепция исследования и формально-понятийный аппарат описания. Здесь же описывается морфологическая база данной синтаксической системы: наборы инфинитивных форм, категория притяжания как формальное средство выражения зависимого (относительного) лица, характер соотношения средств реализации субъекта в зависимой части (показателей притяжания и формы зависимого подлежащего) и т. д. Понятие «относительное лицо», введенное и разрабатываемое сибирскими синтаксистами (см. [2, 3, 5, 6]), чрезвычайно значимо для описания синтаксиса сложного предложения и построено по аналогии с понятием «относительное время». Оно охватывает грамматические категории, нацеленные на характеристику субъекта зависимого действия, но через соотнесение не с участниками акта коммуникации (говорящий — слушающий), а с субъектом главного действия в терминах тождества/неотождества. Как в случае с относительным временем передается не прошедшее, настоящее или будущее, а одновременность/неодновременность, так и здесь выражается не 1, 2 или 3 лицо, а моносубъектность/разносубъектность. Это понятие, как нам представляется, довольно продуктивное.

Внутри глав, посвященных конкретным структурным типам предложений, дается исчерпывающее описание всех известных моделей, характеризуется их семантика, выявляются особенности использования в них показателей лица и времени. Во вводном параграфе каждой главы фиксируются общие признаки данного структурного типа, задается внутреннее его членение на подтипы, в заключительном же обращается внимание на отличия и место, занимаемое им в общей системе.

При описании причастно-падежных конструкций вводится с опорой на концепцию Е. И. Убрятовой [4] понятие причастного предикативного склонения как грамматического механизма, определяющего возможности использования падежей при конструировании сложных предложений. Следует отметить, что порядок рассматривания конструкций регулируется системной значимостью падежей. В каждом случае раздельно анализируются конструкции с управляемой зависимой частью и с неуправляемой, обстоятельственной.

В книге убедительно показано, что

система причастного предикативного склонения с ее сложной внутренней организацией является центральной для рассматриваемой системы конструкций с инфинитивными формами глагола; что уже здесь просматриваются различия (значимые для системы в целом) между тремя функционально-семантическими типами полипредикативных построений — конструкциями с управляемой зависимой частью, выражающей отношения типа «действительность — сознание» (оперирование информацией, эмоциональная реакция и др.); обстоятельственными конструкциями, выражающими отношения типа «действительность — действительность» (временные, причинные, целевые и др.), и, наконец, определительно-отождествительными (конструкции с предметной и событийной семантикой).

Впервые в бурятоведении детально описаны причастно-последложные конструкции — самый многочисленный класс, насчитывающий около 100 моделей. Автор дает список последлогов, способных употребляться с причастиями; анализирует случаи, когда один последлог образует несколько моделей, например: *-һан дээрра* «пока» и *-ха дээрра* «перед тем как», *-х-ын тула* «чтобы» и *-ха, -кан, -даг тула* «поскольку». Установлено, что различия между моделями обычно связаны с вариативностью причастных и падежных форм при последлоге. Система причастно-последложных конструкций во многом соотносится с причастно-падежной. Однако модели последложных конструкций более дифференцированы по значениям.

Анализируя конструкции с показателями отглагольного происхождения *аад* «хотя», *хада* «поскольку» и *һаа* «если» исследователь во многом уточняет бытовавшие представления о значениях данных моделей и обсуждает дискуссионный вопрос о статусе упомянутых выше показателей. По своим грамматическим свойствам они таковы, что не подходят ни под одну из имеющихся рубрик (союз, частица, последлог).

Большое внимание автор уделяет деепричастным конструкциям. По структурным характеристикам фразы с участием деепричастий делятся на монособъектные и вариативно-субъектные, т. е. способные формировать конструкции со своим подлежащим в зависимой части. Как свидетельствуют факты, с деепричастиями возможны два типа монособъектных фраз [с наличием или отсутствием аффикса субъектного притяжения *(-2)аа* и три типа разносубъектных (с прямым падежом зависимого подлежащего и без аффиксов личного притяжения; с род. падежом зависимого подлежащего). Автор приходит к выводу о том, что некоторые деепричастия помимо обстоятельственной

позиции могут занимать и другие места при главном сказуемом определенной семантики (целевая форма на *-хаяа* — при глаголах намерения, прогноза и т. п., условная форма на *-бал* — при оценочных лексемах).

В заключение подводятся итоги системного описания. Главные из них сводятся к следующим положениям: 1) формальные параметры зависимых предикативных единиц полностью предопределяются их функционально-семантическим типом; 2) принципы оформления конструкций с инфинитивными глагольными формами едины для всех структурных типов полипредикативных построений; 3) каждый структурный тип полипредикативных конструкций наряду с общесистемными закономерностями обнаруживает свои специфические особенности как в плане выражения субъекта, так и в отношении использования причастных и деепричастных форм; 4) система инфинитивных форм бурятского языка является живой и развивающейся системой, способной порождать новые модели полипредикативных образований.

Работа завершается инвентарным списком синтаксических моделей и указателем грамматических элементов, описываемых в тексте, что делает информацию более доступной и обзорной. Использование таблиц, формул и схем помогает компактно изложить исследуемый материал. К сожалению, в библиографии имеется ряд досадных огрехов: допущены неточности в указании выходных данных некоторых работ (например, Т. А. Бертагаева — с. 176, 3. В. Шевнерной — с. 182, А. Шарху — с. 181), отсутствуют статьи С. Л. Чарекова, упомянутые в тексте (см. с. 6 и 22). Разумеется, приведенный список моделей ППК бурятского языка не является конечным: он может и должен быть пополнен в ходе дальнейших исследований. Автору следовало больше уделить внимания семантике данных конструкций, их функциональной характеристике. Кроме того, в монографии, претендующей на особый подход к анализу конструкций с причастными и деепричастными оборотами, жаль было дать соответствующую критическую оценку и более развернутое изложение альтернативных концепций, существующих в монгольском языкознании, отечественном и зарубежном. О существовании неадекватных, порой взаимоисключающих, подходов к решению вопроса о грамматическом статусе синтаксических единиц, включающих в свой состав причастные и деепричастные обороты, свидетельствуют труды Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, 3. К. Касьяненко, Ш. Лувсанвандана, Ц. Цэдэндамба и др., в том числе и автора этих строк.

Стремясь вести описание в нейтральной терминологии, автор устранился от обтсуждения спорного в синтаксисе монгольских языков вопроса: являются ли конструкции с зависимой инфинитной частью простыми или сложными?

В целом же рецензируемая книга отличается содержательностью и глубиной анализа обширного материала, относящегося к сфере бурятского полипредикативного синтаксиса. Опыт системного описания и классификации бурятских полипредикативных конструкций синтетического типа, безусловно, представляет серьезный интерес для специалистов, занимающихся сопоставительно-типологическим изучением строя сложного предложения монгольских и других алтайских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962. С. 117—177.

2. *Черемисина М. И.* Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1980.
3. *Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М.* и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.
4. *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Кн. 1. Новосибирск, 1976.
5. *Бродская Л. М.* Причастные и деепричастные конструкции в составе сложноподчиненного предложения // Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980.
6. *Скрибник Е. К.* Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации- (на материале бурятского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1980.

Пюрбеев Г. Ц.